

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**КУЛЬТУРА КАК СИСТЕМА
В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ:
ОПЫТ ЗАПАДНО-СИБИРСКИХ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СОВЕЩАНИЙ**

*Материалы XV Международной Западно-Сибирской
археолого-этнографической конференции
Томск, 19 – 21 мая 2010 г.*

Ю.И. ОЖЕРЕДОВ,

Россия, Томск

Томский государственный университет

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЗМЕЩЕНИЯ МОГИЛЬНИКОВ «ШИЕШГУЛА»

По современным сведениям некрополи локально-диалектной группы средневековых селькупов «шиешгула», как впрочем, и других групп XVI–XVII вв., располагались преимущественно на возвышенных местах береговой зоны крупных рек и их более мелких притоков. Это могут быть как береговые террасы, достигающие десятков метров высоты (Кустовский, Остяцкая Гора I, II, Пачанга, Прорвинский, Тискинский), так и незначительные возвышения на пойменных пространствах (Барклай) (Чиндина и др., 1990, № 570, 189, 190, 177, 719, 124; Ожередов, 1998а, с. 206; 2001а, с. 26; 2001б, с. 84) или слабовыраженные береговые террасы (Сухая Речка (Ожередов, 1998б, с. 68). Могильники на Остяцкой горе устроены в двух горизонтах: первый на вершине, второй примерно на 10 м ниже первого, но более чем на 30 м выше уреза воды (Дульзон, 1955, с. 97–98, табл. I).

В литературе существует два объяснения такому предпочтению средневековых обитателей тайги и их потомков нового времени, базирующихся на двух моделях традиционного устройства мироздания и двух соответствующих им вариантах размещения загробного мира. В первом случае речь идет о вертикальной модели, символом которого стало дерево (берёза) и, соответственно, чем выше место для погребения, тем оно ближе к небесному миру. Второе основано на горизонтальной модели, символом которой стала река, а мир мёртвых располагается в низовьях рек. Учитывая, что все великие реки Сибири стекают на север, нижний мир – это страна темноты и холода, что в целом соответствует действительности.

Наличие бинарной позиции по данному вопросу объясняется одновременностью представлений по этому вопросу: первое более молодое и связано с идеей о небожительстве, второе – древнее и моделирует хтонический подземный мир. Оба варианта одинаково устойчивые, универсальные явления, имеющие широкое географическое и этнокультурное распространение (Войтов, 1996, с. 71–76; Мелетинский, 2000, с. 216–217; Фёдорова Е.Г., 2002, с. 243). Необходимо добавить, что традиционное или мифологическое мышление исключает любые отступления от канонически закрепленных идеологических программ и действий. Ориентация в пространстве для древних и традиционных обитателей имела, прежде всего, сакральное осмысление (Подосинов, 1999, с. 21).

Этнографически собранный материал вполне адекватно объясняет идейное содержание обеих моделей, подчеркивает отсутствие какого-либо противостояния между ними и, более того, указывает на их тесное сосуществование (Фёдорова Е.Г., 2002, с. 243). В традиционных представлениях селькупов река и дерево, символизирующие две модели мироздания, абсолютно равнозначны (Степанова О.Б., 2008, с. 119). На символическом уровне река повсеместно являлась прямой аллаформой мирового дерева (Окладникова, 1995, с. 249).

Вместе с тем при изучении конкретных ситуаций в размещении могильников указанной группы можно понять, что данная схема объяснения не всегда безукоризненна. Особенно, если это касается горизонтальной модели. Исходя из её постулата, всех умерших, начиная с поселений в верховьях рек, следовало хоронить в устьях. В результате, на протяжении веков возникли бы гигантские некрополи. В реальности мы такого не наблюдаем, напротив, на протяжении одной реки фиксируется сеть могильников, часто с небольшим количеством захоронений. Например, на р. Кёнга, протянувшейся более чем на 300 км, выявленные могильники позднего средневековья располагаются с периодичностью примерно в 50–60 км. Лишь ситуация на р. Чая, правда, с большими оговорками, может рассматриваться как «классическая»: в среднем течении реки, на протяжении около 60 км зарегистрировано 5 могильников, четыре из которых располагались на расстоянии около 15 км друг от друга (Чайнский, Прорвинский, Барклай, Чажемтовский (Трухин, 1963, с. 74, 75; Ожередов, 2001а, с. 26). Но следует учесть, что р. Чая образовалась при слиянии двух рек – р. Иксы и Бакчара. Географически она выглядит прямым продолжением гораздо более длинной Иксы и может рассматриваться в качестве нижнего течения последней.

Вертикальная модель, казалось бы, более состоятельна. Действительно, большинство могильников устроено на возвышенностях, но ведь имеются обратные и смешанные варианты. Даже там, где рельеф предоставляет такую возможность, ею, отчего-то не всегда пользовались. Например, могильники Прорвинский и Барклай, располагаются в пределах 5–8 км друг от друга на противоположных берегах р. Чаи, но размещены на разных горизонтах: первый – на высокой коренной террасе, второй – в пойме левого берега, хотя ничто не мешало и его поместить на правобережную террасу, которая тянется на многие километры.

Вместе с тем, этнографические источники не редко упоминают ещё одну особенность: могильники располагаются на мысу обычно у места слияния двух водотоков (реки, протоки, старицы и т.п.), что совпадает с археологическими данными о размещении средневековых могильников «шиешгула». Кроме мысов, образованных двумя ныне фиксируемыми руслами рек (Пачанга) (Дульзон, 1955, с. 115), существуют другие варианты: на мысу, образованном оврагом и старым руслом (Кустовский), оврагом, примыкающим к современному руслу (Сухая Речка), а также в развилке старого (старица, цепь озёр, сухое ложе) и нового русла (Остяцкий I, II., Барклай, Чайнский) (Дульзон, 1955, с. 97–98, табл. I; Ожередов 2001а, с. 26; Трухин, 1963, с. 75). При этом семантически внятные объяснения таким фактам в этнографических источниках не приводятся. В лучшем случае речь идет об эмоционально-эстетических достоинствах места: высокое, чистое, просторное, красивое, уединённое и т.п. Видимо, не это было главным при выборе места для кладбища, хотя и данный фактор исключить нельзя.

Объяснение причины распространения могильников вдоль русел рек, а не скопление их на локальной площади где-то в низовьях, кроется в другом. Но прежде чем перейти к изложению версии, объясняющей данную ситуацию, рассмотрим вариант с «низовскими» могильниками. Представляется, что захоронение умерших в низовьях рек встре-

чает много препятствий. Главное – доставка усопших с верховьев таких рек, как Обь на берега Ледовитого океана потребовали бы серьёзнейших во всех отношениях затрат. Доставка с притоков теряет смысл, когда одна река сливается с другой и, следовательно, дорога ещё не закончилась и неизвестно, когда настанет конец пути. По данным П.И. Кутафьева, остяки водой отвозили умерших на кладбища, располагавшиеся за 300 км от посёлков. Но даже если так, то по отдельным рекам, не только великим, но и по многим их притокам, они не добрались бы до устья. Например, на р. Тым (правый приток Оби) верховские юрты Ньюильдрово, Ванжиль-Кынак, Тедель-Кынак и другие стояли более чем в 500 км от устья, а кладбища, зафиксированы поблизости от посёлков. Следовательно, не только удалённость вниз по течению, но и другие факторы обуславливали выбор места для кладбища.

Один из вариантов решения данного вопроса – представления селькупов, связанные с водоёмами, деревьями и развилками. Река являет образ великого женского божества, к которому селькупы обращались с просьбами добавить срок жизни (Степанова О.Б., 2008, с. 53), а персонифицировали в антропоморфном облике. В свою очередь, дерево, особенно берёза, у многих народов отождествлялось с женщиной: крона с головой, ствол с туловищем, корневая система с ногами. Из развилки берёзы, по преданию, вышли первые люди. Но она же могла быть опасной пожирательницей. Мифологически развилка дерева или расщеплённый надвое ствол у селькупов отождествляется с женскими ногами, с рождающим женским низом и одновременно со звериной пастью, заглатывающей добычу (Прокофьева 1976, с. 114; 1977, с. 68; Степанова О.Б., 2008, с. 118–119). Примерно в том же контексте сопоставляют человека с деревом, а форму человеческого тела с развилкой южно-сибирские тюрки (Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 49). Некоторые хакасские *тэси* в форме развилки ассоциировались со старухой или девушкой, у которой невеста откуда появляется ребёнок. В другом случае развилка символизировала двойню, а её отростки называли именами новорождённых (Там же). По представлениям звенков, души новорождённых детей жили на вершине мирового дерева, стоящего на стрелке двух мировых рек (Окладникова, 1995, с. 248). Таким образом, в семантике развилки дерева и реки одинаково явственно прослеживается женская составляющая, будь то топографический объект или иная фигура, символически сопоставимая с местом нахождения женской «дыры». Последняя осмысливается как вход в иной мир, заполненный демоническими обитателями. При этом подразумевается возможность обратного движения, которым могут воспользоваться злые силы, чему следует воспрепятствовать всеми средствами.

Доказано, что селькупы местом соприкосновения миров представляли всякую развилку, будь то дерево или река (Прокофьева 1976, с. 114; 1977, с. 68; Степанова О.Б., 2008, с. 118–119), коннотируемую с женским детородным органом.

Как показывают этнографические материалы, селькупские представления аналогичны, например, традиционному мировоззрению русских и родственному им кругу этносов, согласно которому, развилка дорог или перекрёсток ассоциируются с нечистой силой (Артюхова, 2006, с. 224), а река и дорога одинаково осмысляются как путь. Развилки путей-дорог предстают перекрёстками не только путей реальных, но и соединяющих разные пространства. Вероятно, поэтому енисейские кеты деревянной развилкой венчали могилы своих сородичей (Анучин, 1914, с. 13). Развилки устанавливались на селькупских шаманов (Степанова О.Б., 2008, с. 168), а селькупы «шиешгула» устанавливали столбы с раскидистыми ветками-развилками на вершинах могильных курганов (Ожередов, 2001в, с. 225–226), маркируя точку перехода в потусторонний мир.

Графические символы точки перехода имеют довольно много вариантов женской символики, но все они в результате стилизаций и обобщений свелись к изображению угла (развилки) или треугольника. Семантика угла в качестве символа женской «дыры» нашла широкое отражение в орнаментах сибирских народов. Убедительное подтверждение приводит В.И. Анучин на примере енисейских остяков – кетов: «Женский половой орган енисейцы изображают в виде двухконечной развилки (девушка) и трёхконечной (женщина)» (1914, с. 38).

Поскольку семантика женского «угла» связана с вероятностью проникновения злых сил в реальный мир, то всякий угол ассоциировался с духовно опасным местом. Причём не только у селькупов. В контексте дурного он фигурирует, например, в мифологии и практике экзорцизма у славян. В.Д. Зеленин писал, что в канун Крещения русские северо-востока Сибири метили углы жилищ и амбаров крестиками для спасения от зимних демонов шуликунов (1999, с. 83–84). Е.Е. Левкиевская отметила у славян десятки примеров очистительных или изгоняющих процедур в углах освоенных человеком территорий. С целью обезвреживания ведьмы в жилище, углы в жилище затыкали крапивой, репейником, ветками терновника или шиповника, считавшимися признанными апотропеями. Колочие ветки и острые предметы втыкали в углы для защиты полей и посевов от нечистой силы, а для того, чтобы обезопасить скотину, мочились в каждом из углов хозяйственного двора. Для спокойного сна произносили «молитовку» со словами «убегайте все злые из четырёх углов» (2002, с. 8, 120, 121–122). Помимо селькупов и русских, бдительность в отношении углов проявляли и другие этносы. Шорцы стреляли из лука в углы дома после выноса из него умершего, изгоняя (убивая) злого духа смерти (Пелих, 1972, с. 205), а китайцы поражали стрелами демонические силы, скрывающиеся в углах помещения, отведённого для новобрачных в первую ночь (Малыгин, 2001, с. 560, 561). Это далеко не единичные примеры.

В силу того, что точки соприкосновения миров считались наиболее пригодными местами для перехода умерших в иной мир, именно здесь возникали кладбища, где под час происходили удивительные вещи, связанные с проникновением потусторонних сил в наш мир. Близость здесь измерялась не метрическими понятиями, а магическими.

Подводя итог, можно констатировать, что местоположения средневековых могильников привязаны в большей мере к топографическим объектам, имитирующим угол таким, как развилка. По ассоциации со строением человеческого тела, такие точки на местности уподоблялись женским половым органам, которые по традиционным представлениям рассматривались как вход в потустороннее пространство. Согласно наблюдениям, такие

пункты многочисленны, и, вероятно, признаны оптимально удобными для перехода умерших в загробный мир, что и вывело их в ряд наиболее предпочтительных для устройства могильников.

Хронологический диапазон данного обычая, очевидно, достаточно широк. Следует учитывать, что ряд перечисленных могильников берёт начало в XII–XIV вв. Приложение высказанной позиции, на мой взгляд, перспективно для ряда других, не упомянутых в работе исторических этапов, территорий и этносов.

Ю.И. ОЖЕРЕДОВ¹, И.В. КОВТУН²

Россия, Томск¹, Кемерово²

Томский государственный университет¹

Института экологии человека СО РАН²

«ОПИСАНИЕ КАМНЯ НАЗЫВАЕМОГО ПИСАНАГО» ИВАНА СМИРНОВА

В историографии петроглифического комплекса Письмагора, переименованного в середине XX в. в «Томскую писаницу», особое место занимают различные изобразительные копии памятника. Первую копию, выполненную в июле 1721 г. Д.Г. Мессершмидтом или его художником К. Шульманом, опубликовал в 1730 г. Ф.И. Табберт-Стралленберг в книге, посвящённой его путешествию в составе экспедиции Д.Г. Мессершмидта – «Северная и восточная часть Европы и Азии», изданной в Стокгольме. Следующая, детальная и филигранно выполненная копия писаницы, была снята 3–4 октября 1734 г. профессиональным художником Беркганом по заданию И.Г. Гмелина (РГАДА, ф. 1999, оп. 2, п. 794, Портфели Г.Ф. Миллера. Библиотеки Московского..., л. 4). Примерно в то же время копию томских петроглифов сделал другой художник экспедиции Г.Ф. Миллера – Люрсениус (РГАДА, ф. 1999, оп. 2, п. 794, Портфели Г.Ф. Миллера. Библиотеки Московского..., л. 3). Третье изображение данного комплекса принадлежит геодезии поручику Ивану Шишкову, составлявшему по распоряжению В.Н. Татищева описание Кузнецкого уезда (СПФ АРАН, ф. 21, оп. 5, № 150, л. 94 об. – 95). Рисунок выполнен в «наивном стиле», что отражает своеобразное восприятие изображений писаницы сторонним наблюдателем XVIII в.

До последнего времени считалось, что это единственные три копии XVIII в., посредством которых Томская писаница стала первым памятником наскального искусства России, введённым в научный оборот. Теперь есть основание полагать, что список копий этого столетия, возможно, не исчерпан полностью.

В книге поступлений Архива Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (МАЭС) выявлена следующая запись: № 104-1 «рисунки Томской писаницы кон. XIX в.», под которой значится крупноформатный рисунок, долгое время хранившийся в альбоме рисунков под № 30.

Рисунок выполнен на трёх склеенных внахлёт листах толстой бумаги блёклого голубоватого цвета. Длина и ширина полотна на разных участках неодинакова, варьирует в пределах 68,5–69 x 40,5–41 см. Долгое время лист хранился в сложенном виде, поэтому по линиям сгибов наблюдаются многочисленные повреждения. На обороте наклеены бумажные полосы более поздние, чем полотно. На поверхности листа есть помятости, по краям – порывы и утраты небольших фрагментов.

На рисунке в вертикальной проекции отображён скальный массив из «рваного» камня и две полосы изображений, разделённых широкой трещиной в массиве скалы и линиями разделов на мелкие плоскости с выбавками (рис. 1). Таким изобразительным приёмом автор одновременно показал форму скалы и структуру её поверхности, длинный скальный выступ – «залавок», жирную синюю линию уреза воды, и, собственно, наскальные рисунки, расположившиеся на шести плоскостях над выступом. В результате были одновременно решены вопросы топографического, планиграфического и изобразительного порядка. Все позиции органично слились в единую изобразительную структуру.

Под синим контуром уреза воды – надпись «РЕКА ТОМЬ»¹, определяющая местонахождение комплекса. Ниже надписи – оперённая стрела с наконечником в виде двух отогнутых в стороны завитушек указывает направление течения реки (влево). Ниже слева нанесён линейный масштаб в сажнях и аршинах («масть штабъ 2 саж.»). Ниже по центру – две строки заголовка: «ОПИСАНИЕ КАМНЯ НАЗЫВАЕМОГО ПИСАНАГО». В тексте экспликации из восьми строк приводится общее писание памятника: «Положение оный камень или утес имеет в Пачинской волости течением по правую сторону Томи, разстоянием от села пачинскаго в (2 верстах) от деревень той волости: колбихи в верьх по реке томе в 6-и, от деревни писаной получившей от сего камня название вниз реки в 243-х сажнях, верхотомской волости разстоянием в Низ по Томе от деревень: Колмогоровой в 5 в. от вновь Стрельной в 8-и верст, и состоит из Зеленоватаго шифера».

Из Яснение: А. Утес на коем под литерами: В. залавок так называемой по которому удобно можно ходить. С. слой мелкаго шифера, Д две гладкия части утеса на коих изображены подобные животным. Е. Ноги выветривших подобия начерченным животным». В правом нижнем углу автор оставил свои данные: «вымарывал и Сочинял Унтер Шихт Мейстер Иван Смирнов».

Справа чуть выше средней части рисунка помещён текст, демонстрирующий тщательность исследования, проведённого И. Смирновым: «От долговременнаго бытия и от ветров осыпалось, на чем как видно были означены подобные сим, животные». Очевидно, прежде чем сделать надпись в данном месте, её автор внимательно изучил скалу и отыскал следы изображений, исчезнувших в результате обрушения поверхности камня.

Пункты экспликации и микросюжеты композиции обозначены латинскими буквами А, В, С, Д, Е, хотя буква Д

¹ Текст приводится со всеми авторскими особенностями орфографического и стилистического свойства.